

Москва, комсомолы - 1995 - 31 мая - С.В.

Разбирая архив моего мужа, Давида Самойлова, я увидела — не вдруг — что ему есть с чем предстать перед читающей частью публики. Его вообще печатали не бог весть как щедро, немногочисленные книги выходили всегда со скрипом и в неполном объеме. По цензурным соображениям далеко не все могло увидеть свет. Сейчас даже трудно представить, сколь многое. Вот стихотворение ранне-среднего периода, бывшее "товарным знаком" Самойлова:

РОЖДЕНИЕ

Как странно, что за сорок с лишком лет
Не накопил я опыта. Впервые
Глаза протер, встаю, ломаю хлеб.
Снег за окном. Деревья неживые.

Впервые припадаю к молоку,
Впервые поднимаю груз измены,
Впервые пью вино, впервые лгу,
Себе впервые вспарываю вены.

Впервые осторожно краем губ
Чужой щеки, как яблока, касаюсь.
Впервые слышу крови странный гуд
И в травы, обессиленный, бросаюсь.

Впервые знаю: жизнь не удалась!
Захлебываясь, воду пью из горсти.
Впервые умираю. Первый раз
Покорно истлеваю на погосте.

Я прах впервые. Я впервые тень.
Впервые, грешный, я молю прощенья.
Смятенье, колыбель, сирень, метель —
Какая щедрость перевоплощенья!

Какая первородная игра!
Впервой... впервые... завтра... накануне...
Трещит доска, ломается игла,
И я опять рождаюсь, как в июне.

Июнь, 1963 г.

Как я живу? Без ожиданий.
В себе накапывая речь.
А между тем на крыши зданий
Ребристый снег успел привлечь.

И мы, как пчелы трудовые,
Питаем сонную детву,
Осуществленный день России
Не мысля видеть наяву.

Ноябрь, 1977 г.

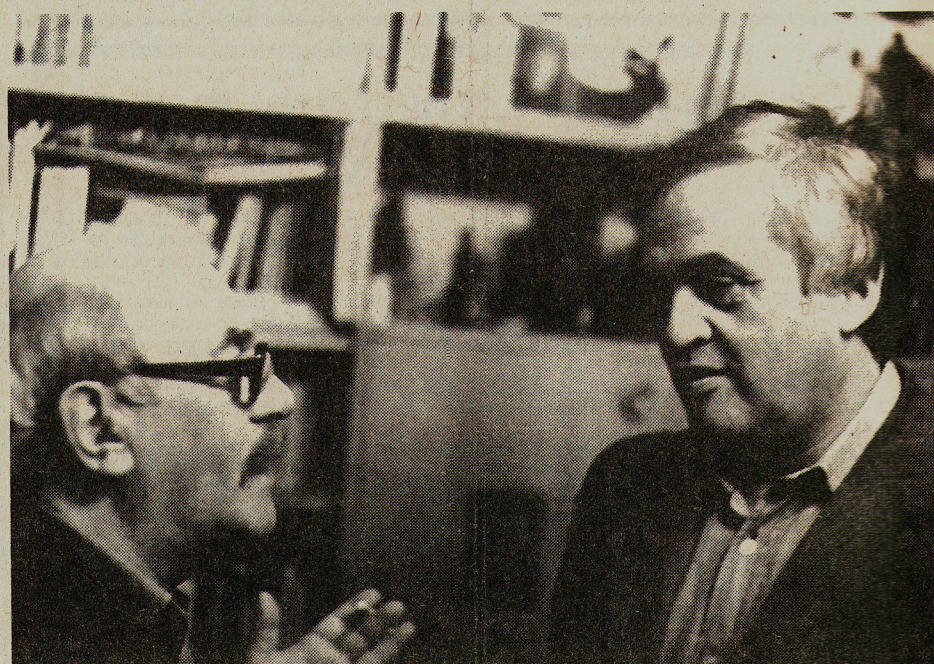
Когда сумбур полународа
Преобразуется в народ,
Придет поэт иного рода,
Светло и чисто запоет.

И поросль свежая, иная,
Взойдет, как новая звезда.
О наших горестях не зная
И нашим радостям чужда.

И вы, хранители традиций,
Вдруг потеряете себя,
Когда потомок яснолицый
Ударит в лиру, мир любя.

1981 г.

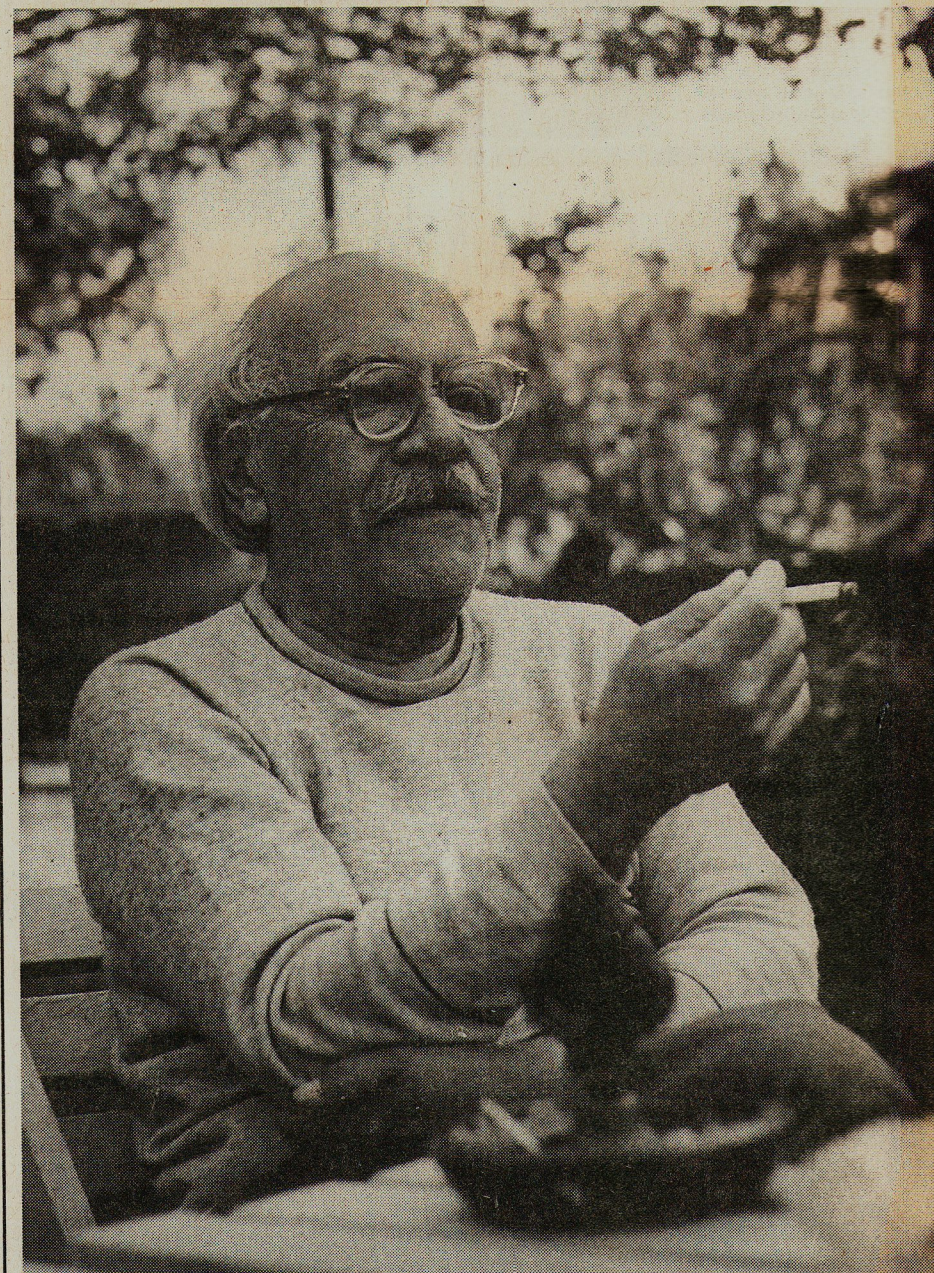
Галина МЕДВЕДЕВА.

Умные люди — вообще редкость. К тому же в нашем отечестве от них последовательно избавлялись на протяжении целого столетия. Так что умные и веселые люди у нас редкость вдвойне.

Давиду Самойлову удавалось сочетать эти два качества в жизни, в том, что он написал, и даже в том, чего не написал.

НЕТУ ИХ. И ВСЕ РАЗРЕШЕНО

Однажды, когда я навел его в больницу — он угодил туда сразу и "с сердцем", и "с глазами", — Д.С. со значением сообщил мне, что сочинил новое стихотворение. Я приготовился услышать что-то вроде стихов Тарковского "Меркнет зрение — сила моя...", но Д.С. зачитал произведение совсем другого толка, хотя тоже напрямую связанное с особенностями физиологии. Да простится мне неточное цитирование:

Что же есть у соловья?
Голос. Больше — ни... чего.
Ну, а что у воробья?
Совершенно — ...ничего!

Может быть, правда, из-за этой самойловской "веселости" мы не досчитались каких-то замечательных лирических стихов? Или, напротив, она продлила ему жизнь?

А вот саркастический ум Д.С. наверняка много чего не позволил ему сделать. Например, стать "эстрадным поэтом" в 60-е или отметить в качестве одного из "прорабов перестройки" в 80-е...

Ныне, в 95-м (точнее — 1 июня) — его 75-летний юбилей. Слишком торжественная дата для того, чтобы Давид Самойлович до нее дожил.

Он вообще как-то все так сделал, что нелюбимый им ложный пафос счастливо минует его и после смерти. На вечерах его памяти вояку не падают Юлий Ким и Сергей Никитин, Михаил Казаков с удовольствием читает его весьма вольные послания, а зал смеется. Наконец, выходят

крин". Но есть и другой — противоположный — стереотип восприятия Самойлова: как некоего "историко-эпического поэта-философа".

В общем, воспользовавшись калкой Ходасевича (из статьи об Ахматовой, кстати, ценившей Самойлова), заявляю: люблю Самойлова, а поклонников его не люблю.

Но все-таки, еще меньше люблю тех, кто Самойлова не любит. В основном это те самые "чужки" из анекдота, которые "не читатели", и за их нелюбовью — элементарная зависть к таланту (имен называть не стоит — все равно у них только фамилии). Они-то пытаются дискредитировать как раз лучшее у Самойлова — его лирику (а лирика это не "когда про любовь", как считают многие, а "поэзия поэзии" — по определению Гете). Их неуклюжие попытки не кончились даже со смертью Д.С. Впрочем, это только один из признаков его продолжающейся жизни в литературе...

Драма и счастье Давида Самойлова в том, что он — один из немногих во фронтовом поколении поэтов — решился на лирику, не побоялся не бояться — чувствовать и думать, и писал то, что чувствовал, и додумывал честно и до конца.

В советскую эпоху, когда требовалась и с лихвой вознаграждалась стихотворная публицистика (неважно — "за" или "против"), он писал о любви и смерти, о московском детстве и об ощущении природы, сохраняя и продолжая тем самым традиции великой русской поэзии (да, и шутли, и играл, но никогда не заигрывал с публикой). "Дворянства назначение — хранить наро-

в свет самойловские дневники, и те, кто любит после кончины известного человека вставать на постамент его памятника, читают в них про себя слишком афористичные суждения и заставляют с открытыми было ртами.

Да и с незрелостью "народной тропой" у Самойлова получилось, можно сказать, весело. Даже возложить цветы на его могилу теперь совсем не просто — для этого надо как минимум получить эстонскую визу.

Вообще, не убоившись пафоса, скажу: его смерть осталась за границей — и умер в Таллине, и похоронен в Пярну, а жизнь принадлежит России.

До семидесяти Давид Самойлов не дожил несколько месяцев. Тогда, в феврале 90-го, в "огоньковской" статье-некрологе "Без старших" я писал о том, что уход — почти одновременный — Эйфельмана, Сахарова и Самойлова означает конец целой эпохи и в то же время сулит нам какие-то такие испытания, которые для этих людей были бы уже избыточными.

А Самойлов, как оказалось, предвидел много из того, что случилось уже "после него". Еще в 70-80-е близкий крах империи не представлялся ему исключительно отрадной перспективой. Увидел он и торжество прагматизма в мировоззрении "новой, складывающейся нации", и мафиозность определил как "глубочайшую черту современного самосознания".

В этом качестве — мыслителя — читатели всевозрастают Самойлова только после его смерти (в частности, после выхода книги прозы "Памятные записки"). Некоторых такое открытие раздражает, разрушая полюбившийся образ "состарившегося Пушкина" (в расхожем представлении), писавшего классически ясные стихи, любившего остроумно скаламбурить и даже поозорничать, приветливого к молодым, ну и — довольно! Мыслить у нас положено эпикам-баластами или политическим журналистам: например, Солженицыну — "как обустроить Россию", или Ленину — "как реорганизовать Раб-

да честь и просвещение..." — так говорит Пушкин в знаменитом самойловском "Пестель, поэт и Анна". И в этом смысле сам Д.С. остался дворянином в нашей литературе.

Когда отепелые ручьи застыли застойными лужами, а те, кто бежал вдоль них за своими бумажными кораблями, вынуждены были ходить по кругу, к Самойлову пришла наконец популярность. Но не повальная, поскольку не основанная на скандале.

Сам он относился к своей славе достаточно иронично. Когда его друг и поэтический соперник Борис Слуцкий, придававший большое значение субординации в литературе, спросил Самойлова: как он думает, в первой десятке или в первой двадцатке современных поэтов они с ним пребывают, — Самойлов ответил: "Знаешь, Боря, по-моему, все же только в первой двадцатке — но что-то предыдущих восемнадцати не видно".

Но вот стихотворение — горькое и безжалостное к себе — в общем, о том же:

Вот и все. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.

Тянем, тянем слово залежалое,
Говорим и вяло и темно.
Как нас чувствуют и как нас жалуют!
Нету их. И все разрешено.

Удивительное свойство исповедальных стихов: если это настоящая поэзия, они — при всей жестокости самооценки — никогда не унижают автора, наоборот, поднимают на новую высоту. Теперь, после смерти Самойлова, мы читаем "Вот и все. Смежили очи гении..." как его пророческое завещание и, конечно, видим автора отнюдь не среди тех, кому "все разрешено". Это место, к сожалению, заняли мы сами.

Олег ХЛЕБНИКОВ.

ИЗ "ПАМЯТНЫХ ЗАПИСОК"

Я не хочу никакого христианства, иудаизма, мусульманства или буддизма. Я против любых названий, религий или идеологий.

Я хочу одного — любви, терпимости и всемирной идеи. И уверен, что все это возможно и в пределах благородного сознания интеллигента нашего века. Верьте, но не переверивайте, любите, но не перелюбливайте, терпите, но не перетерпите.

Хотите бога — имейте его. Не хотите — все равно — будьте терпимы и принадлежите всемирной идее добра. Все остальное — слова, пустота, безобразия.

*Д.Самойлов. "Памятные записки". М., "Международные отношения", 1995, 5000 экз.